

А. И. Краснов¹, И. А. Логвинов²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, г. С.-Петербург, Россия

¹E-mail: a.krasnov@spbu.ru

²E-mail: ilia.logwinov@yandex.ru

ЛЕТНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: КАЧЕСТВЕННАЯ И КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА

Сезонное население является крайне важным компонентом пульсирующих систем расселения, особенно в таких малоселенных районах, как Нечерноземье. Оценка численности данного населения является актуальной и сложной задачей ввиду объективных сложностей с его учётом. В данной работе предпринята попытка количественной и качественной оценки сезонного населения Псковской области (дачников) и анализу их пространственного размещения. Целью являлась оценка и пространственный анализ летнего (дачного) населения Псковской области в разрезе районов на основе данных сельскохозяйственной переписи России и экспертных оценок местных властей по результатам опроса администраций сельских поселений. Авторами использованы официальные и экспертные данные, на основе синтеза которых и проведено исследование. Научная новизна работы заключается в том, что впервые проведена количественная оценка и определены ключевые факторы, влияющие на сезонное население. В результате выявлены пространственные закономерности размещения сезонного населения и установлены его основные ареалы на основе анализа основных факторов привлекательности. Также приведены подсчёты, показывающие количественные масштабы распространения дачников. Так, по результатам исследования, людность сельских поселений региона в летний период может вырастать вдвое.

Ключевые слова: дачники, сезонное население, расселение, Псковская область, система расселения, сельская местность.

Для цитирования: Краснов А. И., Логвинов И. А. Летнее население Псковской области: качественная и количественная оценка // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 1. С. 117–129. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310018382-3>

A. I. Krasnov¹, I. A. Logvinov²

^{1,2}St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹E-mail: a.krasnov@spbu.ru

²E-mail: ilia.logwinov@yandex.ru

SUMMER POPULATION OF THE PSKOV REGION: QUALITATIVE AND QUANTITATIVE ASSESSMENT

The seasonal population is an extremely important component of the pulsating settlement systems, especially in such sparsely populated areas as the Non-Chernozem region. Estimating of the size of this population is an urgent and difficult task due to

objective difficulties in taking it into account. In this paper there was made an attempt of quantitatively and qualitatively estimating of the seasonal population of the Pskov region (dacha residents) and analyzing of their spatial distribution. The aim was to estimate and spatially analyze the summer (dacha) population of the Pskov region based on the data of the Russian agricultural census and expert assessments of local authorities based on the results of a survey of administrations of rural settlements. The authors used official and expert data, based on the synthesis of which the study was conducted. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time a quantitative assessment was carried out and the key factors influencing the seasonal population were identified. As a result, spatial patterns of seasonal population distribution were revealed and its main areas were established based on the analysis of the main factors of attractiveness. Also, there given a calculation, showing the quantitative extent of the distribution of summer residents, so, according to the results of the study, the population of the rural areas of the region at its peak can double.

Keywords: *summer residents, seasonal population, resettlement, Pskov region, settlement system, rural area.*

For citation: Krasnov A. I., Logvinov I. A. (2022), Summer population of the Pskov region: qualitative and quantitative assessment, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 117–129. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310018382-3>

Введение и постановка проблемы. Изучение феномена второго дома является давним объектом исследования в общественных науках и ориентировано прежде всего на владения городских жителей в сельской местности. Российское понятие «дача» не тождественно второму жилью, а является одним из вариантов второго жилья [11], наряду, например, с квартирами в городских ядрах жителей пригородов США [24]. Наиболее распространёнными дачами в России являются дачи второй половины XX в., основной функцией которых было обеспечение продуктами, преимущественно являющиеся землевладениями в СНТ и ДНП (огородами, с которого можно было получить дополнительную пищу) [6]. Однако дачами в России называют и вторые дома рекреационной направленности довоенных лет, и загородное жильё современного периода после распада СССР (поэтому в названии работы присутствует слово «летнее», т. к. отделить именно дачников от сезонных мигрантов, живущих вне официальных СНТ и ДНП, более близких к понятию второго дома, практически нереально).

В наши дни дачники являются важнейшим ресурсом для сохранения сельской системы расселения Нечерноземья и отчасти экономического развития территорий [9], что крайне актуально для депопулирующей сельской местности Псковской области. Дачникам продаётся сельскохозяйственная продукция, а дачники в свою очередь нанимают местных жителей для строительных работ или просто для ухода за участком, создавая тем самым дополнительные очаги экономической активности в сельской местности. Однако в устойчивость таких взаимоотношений вмешивается обеспечение некоторыми благами, т. к. расходы на него рассчитываются исходя из численности жителей муниципальных образований. Дачники же ими не являются, поэтому уровень обеспечения падает: не вывозится в должной мере мусор, изнашиваются дороги, происходят конфликты между местной администрацией и дачниками

(которые владеют большей информацией о своих правах и возможностях, нежели местные жители, чем создают «головную боль» властей) [1].

В зарубежной литературе также поднимается вопрос социально-экономического эффекта второго дома на сельскую местность. В целом в большинстве публикаций суммарный эффект для сельской местности положителен и прямо пропорционален длительности пребывания и расстоянию от первого дома [13]. Дачники становились для сельских территорий дополнительным рынком сбыта сельскохозяйственных производителей [15], продавцов стройматериалов [18], а также они трудоустраивают местных на работу по обслуживанию дома на время своего отсутствия [19]. Однако сельские жители Нечерноземья, по мнению ряда исследователей, имеют малую склонность к деловой активности из-за длительного периода патронажных отношений со стороны государства [7] и в целом подавленного состояния населения [2]. Поэтому потенциал социально-экономического эффекта вторых домов в Нечерноземье можно считать меньшим, нежели в сельской местности развитых стран.

Сельские жители и жители малых городов регионов, сходных с Нечерноземьем, в постиндустриальных странах относятся к владельцам вторых домов благоприятно, т. к. теперь сельская экономика опирается на туризм и «потребление» своих ландшафтов [23]. Городские потребители ландшафтов в США преобразуют сельскую местность, изменяя демографическую структуру, систему землепользования и привнося свои обычаи [17]. Исследуя конкретные территории, Стимэн и Хайнс констатируют неразрывную связь размещения вторых домов и географии, т. к. их объекты исследования как раз и обладают уникальной комбинацией истории, населения, природы и т. д. [23]

Количественная оценка дачников или владельцев «вторых домов» является крайне сложной задачей. Как и любая форма расселения, понятие сезонного дома разнится от страны к стране. Зарубежные исследователи констатируют смешение понятий второго дома (место отдыха в сельской местности) и контрурбанизации (переезд из города в село) из-за перехода к «многоквартирной» форме жизни [16], или «разные местопребывания для разных целей» [25]. Пандемия коронавируса значительно усилила смешение данных понятий, когда владельцы вторых домов стали приезжать раньше и на более долгий период [10].

По оценкам А. И. Трейвиша, на 2014 г. Россия являлась мировым лидером по распространению дач. В ней было 17–20 млн дачных владений, что было в два раза меньше, чем всех городских домохозяйств в стране [11]. По данным агентства по недвижимости Re/Max, Россия является также лидером и по относительной распространённости садовых участков: почти у каждого десятого человека в стране есть садовый участок (ближайшие преследователи: в Литве у каждого 13-го, в Республике Беларусь — у каждого 25-го) [21]. Что касается Псковской области, то в регионе относительно слабо распространены дачные явления, нежели в субъектах Российской Федерации, окружающих Московскую область и уж тем более слабее, чем в Московской и Ленинградской областях¹ (рис. 1). Однако такие количественные данные о дачном населении являются лишь оценками, т. к. в большинстве стран мира статистический учёт дачников или вторых домов не ведётся.

¹ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]: URL: <https://rosstat.gov.ru/519>.

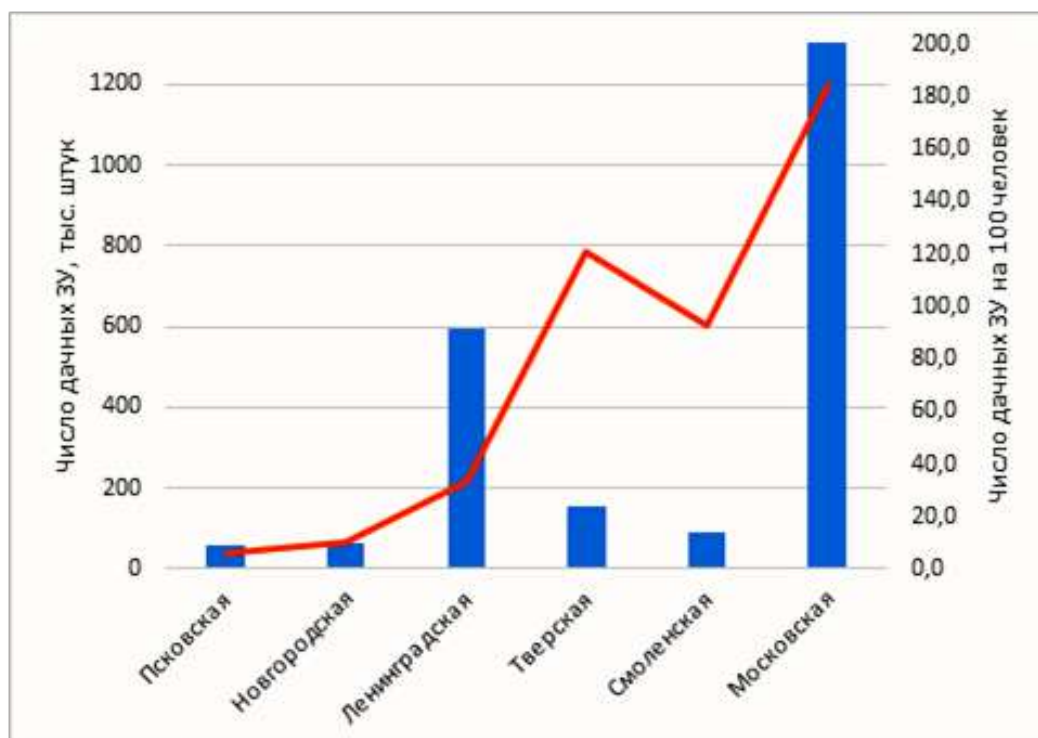

Рис. 1. Абсолютное число дачных земельных участков (столбчатая диаграмма) и число земельных участков на 100 чел. (линейная диаграмма) (составлено автором по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.)

Fig. 1. Number of garden plots (bar chart) and the number of plots per 100 people (line chart) (compiled by the author according to All-Russian Agricultural Census 2016)

Проблема ограниченности статистического учёта исследователями дачников решается по-разному. Обезличенные данные о каждом земельном участке и недвижимости на нём в России не доступны [1], в отличие, например, от Швеции, где исследователи имеют базу данных всех вторых домов страны с координатной привязкой [12]. В России относительно репрезентативным методом исследования являлось использование данных о временной регистрации дачников, которой занимались до 2014 г. местные власти [1], но теперь данные полномочия перешли региональным властям и такие данные использоваться не могут. Для современных же исследований дачников в России характерно использование данных дистанционного зондирования Земли: дешифрирование космоснимков на основе учёта землепользования и последующего детектирования наличного населения [5], а также использование данных о ночном освещении [22]. В целом данные исследования хоть и позволяют избавиться от границ муниципалитетов и выделить ареалы расселения дачников, но к решению задачи количественной оценки дачников России приближаются в меньшей степени. Плюсы данных дистанционного зондирования и при этом лучшую количественную оценку совмещает в себе анализ данных сотовых операторов, которые теперь используют не только зарубежные исследователи [14], но и отечественные исследователи Московской агломерации [5].

Целью исследования является оценка численности летнего (дачного) населения Псковской области в разрезе районов на основе данных сельскохозяйственной переписи России и экспертных оценок местных властей.

Методология и информационная база. В данном исследовании предпринята попытка совместить количественную и качественную оценку летнего населения региона. Количественный анализ дачного населения основан на методе сравнительно-географического анализа по муниципальным образованиям таких показателей как: число освоенных земельных участков (ЗУ) в дачных товариществах граждан и производное от него число дачников. Данными послужили результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения за 2016 г.² Основным недостатком данной методики является ограниченность данных. Они включают в себя только дачи в товариществах, в то время как это не единственный тип дач, как мы указали выше. Исследователи дач в России выделяют ещё 3 типа дач [6]: классические (двухэтажные начала XX в.), дома горожан в деревнях и сёлах и коттеджные посёлки. Жители данных типов дач статистически не учитываются, а использование альтернативных методов получения такой информации (данные сотовых операторов или Росреестра) ограничены доступом к ним. Также ограничением данной методики является редкость сбора данных (раз в 10 лет) и соответственно их устарелость (для 2022 г.), а также невыделение владельцев участков по регионам регистрации (из-за этого принципиального ограничения невозможно выделить летнее население из других регионов в масштабах Псковской области на основе данных переписи). Также слабым местом методики можно считать статистику на уровне районов области, а не волостей или даже населённых пунктов, что в условиях неоднородности районов может приводить не к совсем верному определению влияющих факторов (например, в Псковском районе есть 2 ареала распространения дач: берег Псковского озера и территории, прилегающие к границам города Пскова).

Количественная оценка летнего населения региона может быть осуществлена следующим образом. Число дачников было получено умножением числа учтённых земельных участков в СНТ и ДНП региона на средний размер домохозяйства Псковской области на 2010 г. (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.). Выбор данной цифры основан на самой частой методике оценке числа дачников в трудах исследователей данного явления [6]. Альтернативой являются данные сотовых операторов или выведенная на эмпирическом опыте цифра в 2 чел. [4]. Минусы данной методики заключаются в приблизительности и устаревших данных (средний размер домохозяйства по результатам переписи 2010 г.).

Участники некоммерческих товариществ являются не единственными дачниками, т. к. в Псковской области велика роль сезонных мигрантов в сельской местности как из соседних регионов, так и местного городского населения. Это владельцы загородной недвижимости в деревнях, никак не отражаемые статистикой, и об их существовании осведомлены лишь местные администрации.

Таким образом, качественная оценка сезонного населения предполагает использование экспертных мнений и оценок местных властей по таким вопросам как: оценка численности дачного населения, наиболее и наименее привлекательные факторы для дачников, география их расселения; а также натурные наблюдения в ходе экспедиционных поездок авторов в 2015–2021 гг.

² Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]: URL: <https://rosstat.gov.ru/519>.

Авторами была получена информация от 69 сельских поселений региона, которые позволили либо детектировать дополнительные ареалы расселения дачников, дополнительно оценить концентрацию дачников и выделить территории, малопривлекательные для дачников по мнению местных властей.

Таким образом, основные факторы, влияющие на пространственное распределение дачников, были определены при помощи комбинирования экспертной информации и данных сельскохозяйственных переписей по дачным товариществам граждан.

Результаты исследования. Данные о дачных товариществах граждан из сельскохозяйственной переписи (количественная оценка). В литературе указывается, что товарищества дачников, как правило, локализованы вокруг крупнейших городских округов [9]. В Псковской области это правило соблюдается в полной мере. Наглядное представление о размещении дачников в Псковской области даёт карта числа освоенных земельных участков в некоммерческих объединениях граждан и соответственно их число (рис. 2).

Больше всего освоенных земельных участков в учтённых СНТ находится около двух главных городов Псковской области: г. Псков (208,1 тыс. чел. в 2016 г.) и Великие Луки (94,0 тыс. чел. в 2016 г.). В Псковском районе с городским округом находится 21,3 тыс. освоенных земельных участков (или 49,1 тыс. дачников), а в Великолуцком районе с городским округом — 11,9 тыс. То есть на эти муниципальные образования приходится 80 % (всего 41 тыс.) освоенных земельных участков. Можно утверждать, что согласно официальной статистике наиболее привлекательными для дачного населения являются территории рядом с Псковом и Великими Луками. Это объяснимо максимальной транспортно-временной доступностью двух региональных центров.

В 8 раз меньшее (9,6 %) количество дачников приходится на прилегающие к вышеупомянутым территориям районы: Гдовский, Печорский, Островский (границат с Псковским районом) и Новосокольнический (границит с Великолуцким районом). В сравнении с другими районами, имеющими общую границу с Псковским и Великолуцким районами, данные территории обладают дополнительными преимуществами для дачников. Во-первых, природные условия: Гдовский и Печорский имеют выход к Чудско-Псковскому водоёму, а часть Новосокольнического района находится на Бежаницкой возвышенности, в пределах которой расположено множество озёр. Во-вторых, транспортное положение: Островский район находится на федеральной трассе, которая в г. Острове разделяется на два направления (дальше М20 «Псков» и Е262 до Даугавпилса). Печорский район расположен на федеральной трассе до Риги, Гдовский — на дороге из Ленинградской области, а Новосокольнический — на трассе М9 «Балтия».

На остальные районы, граничащие с Великолуцким и Псковским районами, приходится 2 % освоенных земельных участков. Из них наименьшее число земельных участков приходится на Палкинский, Куньинский, Локнянский и Усвятский районы. Данные районы выделяются болотистой местностью (Локнянский, Усвятский), отдалённостью от наиболее привлекательных природных территорий (Бежаницкая возвышенность, Чудско-Псковский водоём), слабой транспортной связанностью с Великими Луками (Усвятский и Локнянский) и Псковом (Палкинский).

Из неблизких к Пскову, Великим Лукам или Чудско-Псковскому водоёму нужно отметить такие районы: Опочецкий (озёра Бежаницкой возвышенности), Пушкиногорский (рекреационный центр областного значения), Дедовичский (близость к озёрам Судомской возвышенности), Дновский (транспортный узел), Порховский (относитель-

но близко к Псковскому району и Судомской возвышенности), Пыталовский и Струго-Красненский (федеральная трасса и железная дорога из С.-Петербурга до Пскова). На эти районы приходится 8 % зарегистрированных дачников Псковской области.

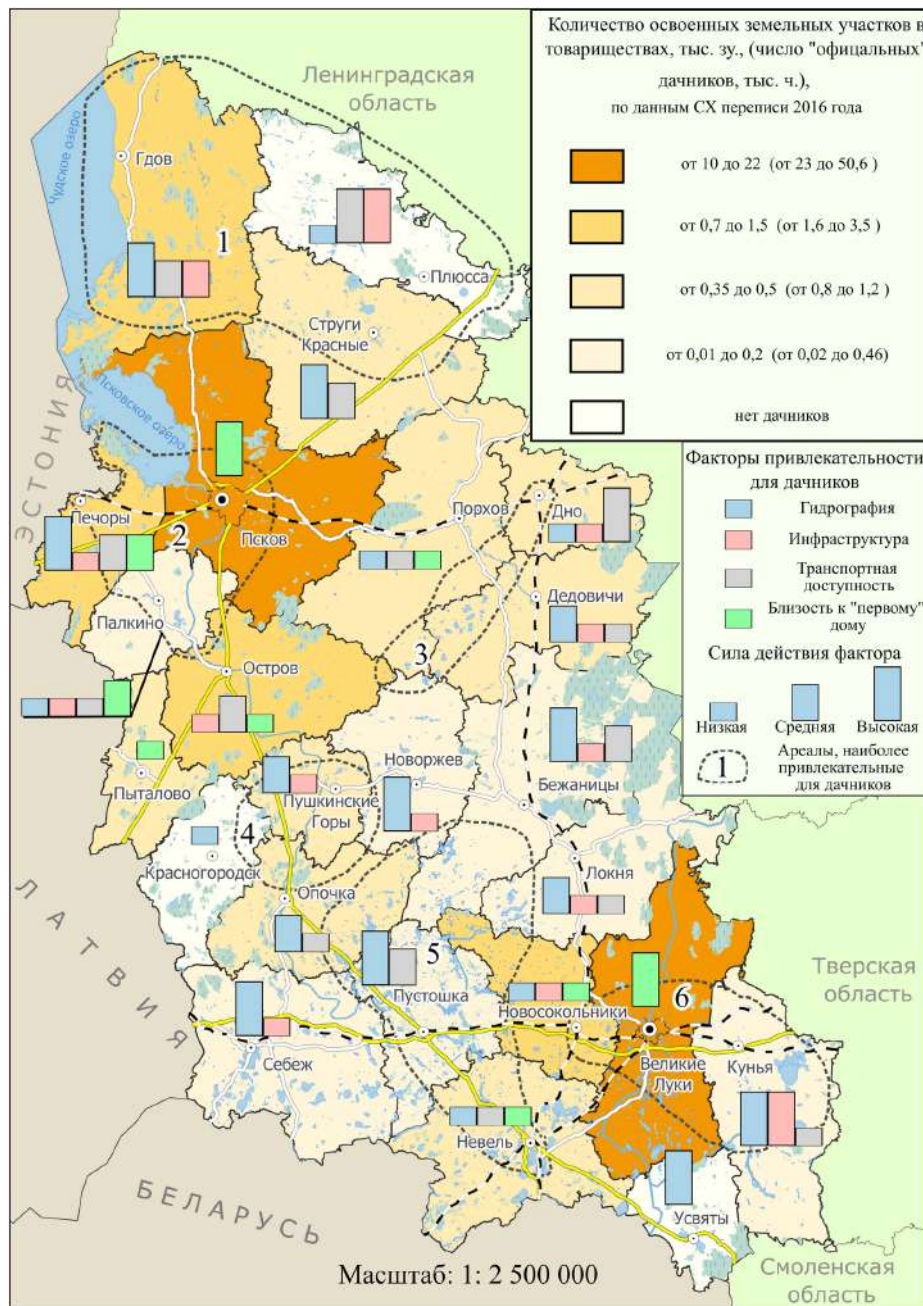

Рис. 2. Расселение дачного населения Псковской области на основе официальных и экспертных данных (составлено авторами)

Fig. 2. Population distribution of dacha dwellers in Pskov region based on official data and expert opinions (compiled by the authors)

К сожалению, однозначно оценить динамику дачников при помощи сельскохозяйственной переписи затруднительно, т. к. число освоенных участков меньше на 27 %, чем всех земельных участков, а в некоторых районах (Порховский, Дедовичский, Пушкиногорский) на 65–66 % меньше. В сравнении с переписью 2006 г., число всех дачных участков в области снизилось на 5,75 % (с 59,3 тыс. до 55,8 тыс.) по сравнению с 2016 г. Повышение количества участков произошло в Гдовском районе, Великолукском с Великими Луками и Псковском с Псковом районах. Наибольшее снижение числа дачников наблюдалось в Печорском, Островском и Себежском районах.

В целом, на основе анализа данных о земельных участках дачников в СНТ и ДНП и их использовании, можно прийти к выводу, что основным фактором размещения дачников является близость к Пскову и Великим Лукам или к Чудско-Псковскому водоёму (Печорский и Гдовский район). В сравнении с экспертными оценками глав администраций, недоучтёнными являются дачники Плюсского, Струго-Красненского (близость к магистралям, связывающим Псков и С.-Петербург) и Пустошкинский район (озёра Бежаницкой возвышенности) с Дедовичским (озёра Судомской возвышенности). Из-за преобладания в численности дачников территорий около Великих Лук и Пскова можно считать, что эти дачники преимущественно местные.

Общее же число «официальных» дачников составляет порядка 94 тыс. чел.

Экспертное мнение представителей сельских поселений Псковской области (качественная оценка). На основе анализа широкого спектра мнений представителей местных властей о причинах привлекательности местности для рекреационного летнего населения, был выделен ряд ключевых факторов: гидрография, инфраструктура (магазины, социальное обслуживание), дороги (перечислены в порядке убывания значимости). Также некоторые главы администраций указали такие факторы, как наличие леса и дикой природы.

Выбор гидрографии обусловлен наибольшими рекреационными возможностями, которые открывают озёра и реки: рыбалка, купание, красивые виды. Так, в Псковской области присутствуют ландшафты с большим рекреационным потенциалом: комплексы холмов и котловин с озёрами юга и центра области, приуроченные к Судомской, Бежаницкой, Вязевской возвышенностям и прибрежные равнины Чудско-Псковского водоёма [3].

Инфраструктуру выбирают из-за того, что многим приезжим требуется доступность продуктовых и промтоварных магазинов, медицинских и социальных услуг. А вот развитая и качественная дорожная сеть как раз и позволяет сближать в пространстве и во времени места жизни и места спроса на инфраструктуру. Дикая природа является противоположным случаем — люди желают максимально дистанцироваться от цивилизации.

В качестве примера можно привести следующие данные. Главы волостей Плюсского, Пустошкинского, Дновского и Бежаницкого районов, находящихся на федеральной трассе или на пути прохождения железнодорожной магистрали, вместо фактора инфраструктуры называли транспортное положение. Также, в ряде волостей упоминали ту или иную комбинацию привлекательных факторов и степень их значимости.

В двух волостях Гдовского района были упомянуты «дикая природа» в качестве главного мотивирующего фактора, что в целом связано с наличием данного ресурса в районе и желанием некоторых дачников насладиться природой в уединении.

Что касается оценочной численности летнего населения, то оказалось, что все-рьёз учитывать экспертные мнения представителей администраций невозможно. Так, по результатам опросов 69 местных администраций оказалось, что по их данным на территории проживает около 70 тыс. чел. Наиболее интересные результаты касаются Пустошкинского и Плюсского районам, где по данным дачных товариществ живёт менее 200 дачников, а по оценке властей их больше 7 тыс. в Плюсском районе и более 4 тыс. в Пустошкинском. Также заметна одна из наибольших проблем сельскохозяйственной переписи: из-за того, что дачные товарищества являются юридическими лицами, то о трёх районах области просто нет данных о числе товариществ, т. к. их мало и публикация данных о них может нарушать законодательство.

В целом на основе экспертных оценок можно прийти к выводу, что число дачников в товариществах заметно ниже, чем всё летнее население. Если рассматривать территориальный разрез, то оценки помогли выявить в каких районах действительно мало дачников (Усвятский, Красногородский, Локнянский), а в каких они просто не состоят в товариществах (Куньинский, Пустошкинский и Плюсский районы, Струго-Красненский). Стоит отметить оценочное число дачников в волостях Плюсского и Струго-Красненского районов, где в 4 из 6 сельских поселений проживает более 10 тыс. дачников. Учитывая удалённость от Чудско-Псковского водоёма, г. Пскова, низкую долю озёр (менее 2 %), то данные территории скорее всего привлекательны для дачников из-за близости к С.-Петербургу и ценовой доступности земли.

Выводы. Наибольшее количество дачников, если ориентироваться на данные сельскохозяйственной переписи, приурочено к прилегающим к Пскову и Великим Лукам территориям (88 %). На районы, не граничащие с Псковским и Великолуцким районом или относящиеся к Чудско-Псковской озёрной системе, приходится 12 % дачного населения области.

Экспертные оценки и информация от властей сельских поселений в целом показали, что объективность данных сельскохозяйственных переписей низкая, т. к. даже в неполностью опрошенных районах оценочная численность дачников превысила показатели сельскохозяйственной переписи более чем три раза, что вряд ли можно объяснить ростом за последние 5 лет (перепись проводилась в 2016 г.). Также экспертные оценки позволили выявить, что наиболее важным фактором привлекательности для дачников является гидрография (причём в большей степени озёра). Несколько меньше дачников привлекают инфраструктура (магазины, социальное обеспечение) и дороги (транспортное положение, доступность в целом и дорожное покрытие). Такие факторы, как лес и дикая природа являются скорее экзотическими.

Анализ экспертных мнений позволил выявить ряд ареалов концентрации дачного населения.

1. Северный ареал охватывает территории больших частей Гдовского и Плюсского и часть Струго-Красненского районов. Здесь сочетаются удобная транспортная доступность как из С.-Петербурга, так и Пскова, с одной стороны, так и факторы природно-ландшафтной привлекательности, с другой.

2. Центральный ареал является, в первую очередь, зоной притяжения дачников из региональной столицы, охватывая центральную и западную части Псковского района, северную и восточную части Печорского района и северо-восток Палкинского района. Здесь значимую роль играет близость к Пскову, а также наличие побережья Псковского озера и реки Великой.

3. Восточный ареал очерчивает территории, прилегающие к городу Дно, простираясь на юго-запад к Судомской возвышенности, включая части Дедовичского и Порховского районов. Дно определяется местными властями как важнейший транспортный узел, имеющий критически важную привлекательность для дачников из соседних регионов, также с точки зрения транспортной привлекательности значима роль автодороги 58К-018 Порхов-Успенье. Судомская возвышенность изобилует озёрами.

4. Пушкиногорский ареал является классическим для региона, включает в себя окрестности Пушкинских Гор, север Опочецкого района и восточную часть Красногородского района, тяготея к федеральной автотрассе.

5. Ареал Бежаницкой возвышенности является самым привлекательным с точки зрения природно-ландшафтных факторов. Обширные всхолмленные пространства и множество озёр вкупе с относительной транспортной доступностью делают эту территорию одной из главных с точки зрения привлечения внешних сезонных мигрантов. Включает в себя юг Новоржевского, восток Опочецкого, юго-запад Бежаницкого, запад Новосокольнического, весь Пустошкинский районы, захватывая окрестности Невеля.

6. Южный ареал очерчивается дачниками из южного регионального центра и центральной России, включая Москву. Включает центральную часть Великолукского района, части Новосокольнического и Куньинского районов.

Выделение вышеуказанных ареалов не означает отсутствие дачников в других частях региона. Но по ряду (или по всем) показателей они серьёзно отстают по части привлекательности и/или доступности.

В итоге о численности летнего населения в сельской местности Псковской области можно говорить очень приближённо. Можно предположить, что максимально оно увеличивается почти на 200 тыс. чел. (94 тыс. «официальных» и 70 тыс. «неофициальных» дачников (на территории 69 из 95 сельских поселений региона). Если условно считать, что примерно 88 % дачников по данным сельскохозяйственной переписи — это жители Пскова, Великих Лук и районных центров, то их численность составляет примерно 82 тыс. чел., а не жителей Псковской области около 12 тыс. чел. Прибавив к ним вышеуказанные 70 тыс., можно сделать вывод, что сезонно из-за пределов Псковской области в регион прибывает до 100 тыс. чел. Учитывая численность постоянного сельского населения региона (порядка 180 тыс. чел.), это весьма значительная цифра.

Литература

1. *Аверкиева К. В., Нефёдова Т. Г.* Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. №. 1. С. 103–128.
2. *Денисенко М. Б., Николаева У. Г.* Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. №. 12. С. 70–81.
3. Материалы по обоснованию проекта схемы территориального планирования Псковской области 2010 года / Научно-проектный институт пространственного планирования «ЭНКО», 2010. 368 с.
4. *Махрова А. Г.* Сезонное дачное расселение как индикатор контрастов пространственного развития // Региональные исследования. 2020. №. 3. С. 40–55.
5. *Махрова А. Г., Бабкин Р. А.* Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. №. 2. С. 68–78.
6. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т. Г. Нефёдовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
7. *Нефёдова Т. Г., Николаева У. Г.* Современное подсобное хозяйство селян и горожан: историческая динамика, функции, пространственные различия // Население и экономика. 2019. Т. 3. №. 1. С. 95–111.

8. Невфёдова Т. Г., Медведев А. А. Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 5. С. 645–659.
9. Невфёдова Т. Г., Трейвиш А. И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. №. 2. С. 31–53.
10. Николаева У. Г., Русанов А. В. Самоизоляция на даче: Нельзя? Можно? Нужно? // Население и экономика. 2020. №. 4. С. 3–5. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e54577>.
11. Трейвиш А. И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 4. С. 22–32.
12. Back A., Marjavaara R. Mapping an invisible population: the uneven geography of second-home tourism // Tourism Geographies. 2017. Vol. 19. No. 4. P. 595–611. <https://doi.org/10.1080/14616688.2017.1331260>.
13. de Oliveira J. A., Roca M. N. O., Roca Z. Economic effects of second homes: A case study in Portugal // Economics & Sociology. 2015. Vol. 8. No. 3. P. 183. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2015/8-3/14>.
14. Deville P. et al. Dynamic population mapping using mobile phone data // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. No. 45. P. 15888–15893. <https://doi.org/10.1073/pnas.1408439111>.
15. Hall C. M., Müller D. K. (ed.). Tourism, mobility, and second homes: Between elite landscape and common ground. Channel View Publications, 2004. 304 p.
16. Halfacree K. Heterolocal identities? Counter-urbanisation, second homes, and rural consumption in the era of mobilities // Population, space and place. 2012. Vol. 18. No. 2. P. 209–224. <https://doi.org/10.1002/psp.665>.
17. Hines J. D. The Post-Industrial Regime of Production/Consumption and the Rural Gentrification of the New West Archipelago // Antipode. 2012. Vol. 44. No. 1. P. 74–97. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2011.00843.x>.
18. Hoogendoorn G., Visser G. Second homes and small-town (re) development: the case of Clarens // Journal of Consumer Sciences. 2004. Vol. 32. URL: <https://www.ajol.info/index.php/jfec/article/view/52852>.
19. Marcouiller D. W., Gartner W. F., Chraca A. Recreational Homes and Planning in Gateway Communities: A Review of the Planning and Public Policy Literature. 2013. URL: <https://dpla.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/1021/2017/06/13wp13-02.pdf>.
20. Müller D. K. Second Homes in Sweden: Patterns and Issues // Tourism, Mobility and Second Homes. Between Elite Landscape and Common Ground / Eds. Hall C. M. and Müller D. K. Clevedon: Channel View, 2004. P. 244–258.
21. Rusanov A. V. Dacha dwellers and gardeners: garden plots and second homes in Europe and Russia // Population and economics. 2019. Vol. 3. P. 107–124. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34783>.
22. Sheludkov A., Starikova A. Nighttime-lights satellite imagery reveals hotspots of second home mobility in rural Russia (a case study of Yaroslavl Oblast) // Regional Science Policy & Practice. 2021. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12441>.
23. Stiman M. L. Discourses of Resource Dependency: Second Homeowners as “Lifeblood” in Vacationland // Rural Sociology. 2020. Vol. 85. No. 2. P. 468–494. <https://doi.org/10.1111/ruso.12296>.
24. Stiman M. Second homes in the city and the country: A reappraisal of vacation homes in the twenty-first century // International Journal of Housing Policy. 2020. Vol. 20. No. 1. P. 53–74. <https://doi.org/10.1080/19491247.2019.1627842>.
25. Tuulentie S. Settled tourists: Second homes as a part of tourist life stories // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2007. Vol. 7. No. 3. P. 281–300. <https://doi.org/10.1080/15022250701300249>.

References

1. Averkieva K. V., Nefedova T. G. (2016), Dacha “colonization” of the Russian hinterland. An example of the Kostroma region, *World of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 25, no. 1, pp. 103–128. (In Russ.).
2. Denisenko M. B., Nikolaeva U. G. (2015), What is happening with the rural population in the Middle North of Russia? (on the material of the Kostroma region), *Sociological research*, no. 12, pp. 70–81. (In Russ.).
3. *Materials on the substantiation of the draft scheme of territorial planning of the Pskov region in 2010* (2010), Scientific Design Institute for Spatial Planning “ENKO”, 368 p. (In Russ.).
4. Makhrova A. G. (2020), Seasonal dacha resettlement as an indicator of contrasts in spatial development, *Regional studies*, no. 3, pp. 40–55. (In Russ.).
5. Makhrova A. G., Babkin R. A. (2018), Analysis of the pulsations of the settlement system of the Moscow agglomeration using data from cellular operators, *Regional studies*, no. 2, pp. 68–78. (In Russ.).

6. *Between home... and home. Reverse spatial mobility of the population of Russia* (2016), eds. T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Makhrovf, Moscow, New Chronograph, 504 p. (In Russ.).
7. Nefedova T. G., Nikolaeva U. G. (2019), Modern subsidiary farming of villagers and townspeople: historical dynamics, functions, spatial differences, *Population and economy*, vol. 3, no. 1, pp. 95–111. (In Russ.).
8. Nefedova T. G., Medvedev A. A. (2020), Compression of developed space in central Russia: population dynamics and land use in rural areas, *Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Geographic series*, no. 5, pp. 645–659. (In Russ.).
9. Nefedova T. G., Treyvish A. I. (2020), Polarization and compression of developed spaces in the center of Russia: trends, problems, possible solutions, *Demographic Review*, vol. 7, no. 2, pp. 31–53. (In Russ.).
10. Nikolaeva U. G., Rusanov A. V. (2020), Self-isolation in the country: Impossible? Can? Need to? *Population and economy*, no. 4, pp. 3–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e54577>.
11. Treyvish A. I. (2015), “Dachevedenie” as a science of a second home in the West and in Russia, *Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Geographic series*, no. 4, pp. 22–32. (In Russ.).
12. Back A., Marjavaara R. (2017), Mapping an invisible population: the uneven geography of second-home tourism, *Tourism Geographies*, vol. 19, no. 4, pp. 595–611. <https://doi.org/10.1080/14616688.2017.1331260>.
13. de Oliveira J. A., Roca M. N. O., Roca Z. (2015), Economic effects of second homes: A case study in Portugal, *Economics & Sociology*, vol. 8, no. 3, p. 183. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2015/8-3/14>.
14. Deville P. et al. (2014), Dynamic population mapping using mobile phone data, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 111, no. 45, pp. 15888–15893. <https://doi.org/10.1073/pnas.1408439111>.
15. Hall C. M., Müller D. K. (ed.). (2004), *Tourism, mobility, and second homes: Between elite landscape and common ground*, Channel View Publications, 304 p.
16. Halfacree K. (2012), Heterolocal identities? Counter-urbanisation, second homes, and rural consumption in the era of mobilities, *Population, space and place*, vol. 18, no. 2, pp. 209–224. <https://doi.org/10.1002/psp.665>.
17. Hines J. D. (2012), The Post-Industrial Regime of Production/Consumption and the Rural Gentrification of the New West Archipelago, *Antipode*, vol. 44, no. 1, pp. 74–97. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2011.00843.x>.
18. Hoogendoorn G., Visser G. (2004), Second homes and small-town (re) development: the case of Clarens, *Journal of Consumer Sciences*, vol. 32. URL: <https://www.ajol.info/index.php/jfecscs/article/view/52852>.
19. Marcouiller D. W., Gartner W. F., Chraca A. (2013), *Recreational Homes and Planning in Gateway Communities: A Review of the Planning and Public Policy Literature*. URL: <https://dpla.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/1021/2017/06/13wp13-02.pdf>.
20. Müller D. K. (2004), Second Homes in Sweden: Patterns and Issues, *Tourism, Mobility and Second Homes. Between Elite Landscape and Common Ground*, eds. Hall C. M. and Müller D. K., Clevedon, Channel View, pp. 244–258.
21. Rusanov A. V. (2019), Dacha dwellers and gardeners: garden plots and second homes in Europe and Russia, *Population and economics*, vol. 3, pp. 107–124. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34783>.
22. Sheludkov A., Starikova A. (2021), Nighttime-lights satellite imagery reveals hotspots of second home mobility in rural Russia (a case study of Yaroslavl Oblast), *Regional Science Policy & Practice*. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12441>.
23. Stiman M. L. (2020), Discourses of Resource Dependency: Second Homeowners as “Lifeblood” in Vacationland, *Rural Sociology*, vol. 85, no. 2, pp. 468–494. <https://doi.org/10.1111/ruso.12296>.
24. Stiman M. (2020), Second homes in the city and the country: A reappraisal of vacation homes in the twenty-first century, *International Journal of Housing Policy*, vol. 20, no. 1, pp. 53–74. <https://doi.org/10.1080/019491247.2019.1627842>.
25. Tuulentie S. (2017), Settled tourists: Second homes as a part of tourist life stories, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 7, no. 3, pp. 281–300. <https://doi.org/10.1080/15022250701300249>.

Сведения об авторах

Краснов Антон Иванович — старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: a.krasnov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-8577-6080

Scopus Author ID: 56996886700

Web of Science ResearcherID: M-1363-2015

Логвинов Илья Александрович — бакалавр географии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ilia.logwinov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8637-5801

About the authors

Anton Krasnov, Senior Lecturer, Department of Economic and Social Geography, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: a.krasnov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-8577-6080

Scopus Author ID: 56996886700

Web of Science ResearcherID: M-1363-2015

Илья Logwinov, Bachelor of Geography, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: ilia.logwinov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8637-5801

Поступила в редакцию 28.01.2022 г.

Поступила после доработки 04.03.2022 г.

Статья принята к публикации 10.03.2022 г.

Received 28.01.2022

Received in revised form 04.03.2022.

Accepted 10.03.2022.